ЖИЗНЬ
ГРАФА
НИКИТЫ ИВАНОВИЧА
ПАНИНА

второе изданїе.

Въ Санктпетербургѣ 1786 года.

Печатано съ дозволенїя указнаго у г. Вильковскаго и Галченкова.

ЖИЗНЬ

Графа Никиты Ивановича Панина.

Графъ Никита Ивановичь Панинъ, правившій иностранными дѣлами Министръ, произшелъ отъ благородныхъ родителей въ 1718 году Сентября 15. Предки его, уроженцы *Лукской* республики выѣхали въ Россію въ пятомъ надесять столѣтіи. Отецъ его служилъ *Петру Великому* и имѣлъ щастіе пользоваться Его благоволеніемъ. Достигши до чина Генералъ-Поручика окончалъ онъ дни

свои въ 1736 году отъ множества ранъ полученныхъ имъ на разныхъ сраженіяхъ. Онъ достоинъ былъ имѣть таковыхъ сыновъ, коихъ дѣянія въ теченіи болѣе двадцати лѣтъ обращали на себя вниманіе цѣлой Европы. Одинъ управлялъ важнѣйшими Государственными дѣлами и воспитывалъ Наслѣдника Россійскаго Престола, а другой явилъ опыты мужества и искуства своего во время Прусской войны, правилъ всею завоеванною частію Пруссіи, предводительствовалъ по томъ арміею противу Турковъ, взялъ приступомъ городъ Бендеры, споспѣшествовалъ независимости Крымскихъ Татаръ, и наконецъ, спустя нѣсколько лѣтъ по увольненіи его отъ службы, прекратилъ великой мятежъ, и чрезъ сію важную отечеству заслугу, учинился защитникомъ дворянства, противу котораго устремлена была злоба мятежниковъ.

Жизнь достойнаго ихъ родителя была сообразна съ званіемъ гражданина, коего душа столь же была благородна, какъ и его происхожденіе. Все его недвижимое имѣніе состояло въ четырехъ стахъ душахъ. Онъ столько старался о воспитаніи дѣтей своихъ, сколько позволяло ему посредственное его богатство и положеніе, въ каковомъ тогда находилось его отечество. Слухъ о добромъ воспитаніи и добродѣтеляхъ его дочерей доставилъ имъ знатныя супружества. Одна выдана за Князя Куракина, Сенатора и Россійскаго Двора Оберъ-Шталмейстера, а другая за Господина Неплюева, Сенатора же и Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника. Сыны его записаны были въ Гвардейскіе полки, въ коихъ отправляли дѣйствительную службу съ самыхъ нижнихъ чиновъ. Благородное поведеніе и родство съ Княземъ Куракинымъ, который отъ Импе-

ратрицы Анны Іоановны былЪ отличаемЪ, доставили Графу НикитѢ Ивановичу случай бывать во всѢхЪ придворныхЪ собраніяхЪ. Императрица *Елисавета Петровна* при возшествіи своемЪ на престолЪ пожаловала его вЪ КамерЪ-Юнкеры. ОтмѢнное сей Государыни кЪ нему благоволеніе вооружило противу его зависть и ревнивость, два свойственные царедворцамЪ пороки. Враги его стараясь чрезЪ разные происки отдалить отЪ двора, но ненаходя вЪ поступкахЪ его ничего такого, что бы могло послужить кЪ его обвиненію, принуждены были употребить вЪ пользу свою его достоинства. Они представили ИмператрицѢ способность его кЪ политическимЪ дѢламЪ, почему онЪ и былЪ отправленЪ вЪ 1747 году кЪ Датскому Двору вЪ качествѢ полномочнаго Министра. При отЪѢздѢ его вЪ КопенгагенЪ онЪ имѢлЪ повелѢніе заѢхать вЪ

Дрезденъ, для принесенія отъ Ея Императорскаго Величества Августу третьему Королю Польскому поздравленія, по случаю бракосочетанія Дофина съ дочерью его Принцессою Маріею Іозефою. Въ томъ же году онъ пожалованъ былъ въ Камеръ-Геры.

Въ то время состояніе Швеціи было въ разсужденіи Россіи самое критическое, такъ что каждую минуту надлежало ожидать возгорѣнія войны между обѣими державами. Польза Россіи требовала того, чтобъ недопустить Швецію до разрыву союза. Для исполненія толь нужнаго предпріятія потребенъ былъ такой Министръ, которой бы съ кротостію нрава соединялъ просвѣщенный и проницательный разумъ. Императрица по представленію Канцлера судила быть способнымъ Графа Панина къ оказанію таковой отечеству услуги. Въ *1748* году перевели его изъ

Копенгагена въ Штокгольмъ. Онъ совершенно оправдалъ избранiе своей Монархини возложившей на него такое дѣло, которое требовало великихъ способностей и превосходныхъ качествъ. Онъ нетолько отвратилъ войну, но еще и приобрѣлъ многихъ Россiи доброжелателей. Заслуги его стяжали ему отъ Двора разныя награжденiя. Въ лѣто прибытiя его въ Штокгольмъ онъ получилъ Орденъ Святыя Анны, въ 1751 году Орденъ Святаго Александра Невскаго, а въ 1755 пожалованъ былъ въ Генералъ-Поручики. Пребыванiе его въ Швецiи продолжалось около двенадцати лѣтъ. Онъ чрезъ добродѣтели свои приобрѣлъ почтенiе отъ тамошняго Двора и всего народа; ни одинъ Шведъ непроизноситъ даже и по днесь имени его безъ нѣкоего къ нему благоговѣнiя.

Въ 1759 году онъ отозванъ былъ въ свое отечество, а въ 29 день

Іюня послѣдовавшаго года Императрица благоволила ввѣрить ему надзираніе надъ воспитаніемъ *Великаго Князя Павла Петровича*, важную должность, которую онъ безпрерывно исправлялъ до самаго бракосочетанія Августѣйшаго его Питомца. *Императоръ Петръ третій* наградилъ его чиномъ Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника и Орденомъ Святаго Апостола Андрея.

Въ 1763 году, во время отсутствія покойнаго Канцлера Графа Воронцова *Великая Императрица Екатерина Вторая*, которой священное имя и великія дѣянія предадутся безсмертію, препоручила ему управленіе иностранными дѣлами, а въ 1767 году благоволила почтить его Графскимъ достоинствомъ, о чемъ и обнародованъ былъ указъ слѣдующаго содержанія:

„Нашъ Дѣйствительный Тайный „Совѣтникъ Никита Панинъ чрезъ

„попеченїе свое о воспитанїи дра-
„жайшаго Нашего Сына доказалъ
„намъ ревность свою и усердїе, и
„въ тожъ самое время исправлялъ
„съ раченїемъ и успѣхами великое
„множество дѣлъ какъ внутрен-
„нихъ такъ и иностранныхъ. Ра-
„внымъ образомъ и братъ его Ге-
„нералъ Петръ Панинъ служилъ
„Намъ во всякое время съ вѣрнос-
„тїю и усердїемъ. Во уваженїе чего
„Мы жалуемъ имъ и ихъ потом-
„ству Графское достоинство, по-
„велѣвая Нашему Сенату изгото-
„вить для нихъ дипломъ и пред-
„ставить Намъ оный для подписа-
„нїя."

Въ 1769 году получилъ онъ повелѣнїе засѣдать въ Тайномъ Совѣтѣ, въ 1773 пожалованъ въ Сенаторы и въ первую степень (въ чинъ Фельдмаршала) а въ 1783 удостоенъ Ордена Святаго Равноапостольнаго Князя Владимира первой степени скоро по учрежденїи онаго.

Онъ былъ главою министерства двадцать лѣтъ съ ряду, въ которое время и важнѣйшія внутреннія дѣла ему же были ввѣряемы. Кратко сказать, небыло ни одного дѣла касательнаго до пользы и благосостоянія Имперіи, въ которомъ бы онъ неучастовалъ или собственными трудами или совѣтами.

Пристойно бы здѣсь было начертать душу и сердце сего почтеннаго гражданина, простымъ только изложеніемъ всего, что онъ учинилъ въ теченіи долговременнаго своего министерства, и изъяснить безпристрастно, какія были его труды и заслуги, коликую твердость и постоянство оказывалъ онъ при обстоятельствахъ возмущавшихъ спокойствіе души его; съ какимъ великодушіемъ преносилъ онъ претерпѣваемыя имъ отъ всюду гоненія; но эпоха жизни его столь еще отъ насъ близка, что многія важныя причины непозволя-

ютъ пространно говорить о томъ, чего исторія непреминетъ со временемъ предать потомству. И такъ надлежитъ ограничить сіе краткое повѣствованіе предложеніемъ только достопамятиныхъ министерскихъ его дѣяній, начертаніемъ его правилъ, наблюденныхъ имъ при воспитаніи Августѣйшаго его Питомца и управленіи Государственными дѣлами, и наконецъ изображеніемъ качествъ великой его души, которыя приобрѣли ему всеобщее почтеніе.

Достопамятныя дѣла во время его министерства суть союзы и разные договоры, заключенные съ иностранными державами, война съ Турками произшедшая отъ междоусобныхъ въ Польшѣ раздоровъ, обмѣнъ Голштинскаго Герцогства на Графства Олденбургское и Дитмарстское, славный миръ съ Портою, посредничество Россійскаго Двора при заключеніи Тешенскаго

мира и наконецЪ вооруженный неутралитетЪ.

Главнѣйшія правила, сЪ которыми онЪ сообразуясь поступалЪ во управленіи дѣлами были слѣдующія: 1. Что Государство можетЪ всегда сохранить свое величіе, невредя пользамЪ другихЪ державЪ. Признаніе РоссійскихЪ Государей Императорами и поравненіе ихЪ МинистровЪ сЪ Министрами другихЪ дворовЪ, были слѣдствіемЪ сего на добромЪ основаніи утвержденнаго правила. 2. Что толь обширная Имперія, какова есть Россія, неимѣетЪ причины употреблять притворства, и что единая только искренность должна быть душею ея Министеріи. ГрафЪ ПанинЪ неизмѣннымЪ наблюденіемЪ сего правила приобрѣлЪ отЪ всѣхЪ иностранныхЪ дворовЪ толикую довѣренность, что одно устЪ его слово неменьше было уважаемо какЪ и самыя священныя узы договора,

3. Онъ любилъ разсуждать о дѣлахъ съ кротостїю и дружелюбїемъ, превосходными свойствами души его; можно сказать что всякъ иностранный Министръ входившїй въ кабинетъ его съ пасмурнымъ видомъ для переговора съ нимъ о какомъ либо непрїятномъ дѣлѣ, всегда выходилъ изъ онаго довольнымъ и восхищеннымъ его бесѣдою. Таковы были правила, по коимъ онъ поступалъ во внѣшнихъ дѣлахъ. Вся Европа признала его за великаго Государственнаго мужа, онъ приобрѣлъ совершенное и неоцѣненное почтенїе отъ мудраго и просвѣщеннаго Монарха, вѣрнаго Россїи союзника, коего достохвальныя дѣянїя, суть предмѣтомъ удивленїя цѣлаго мїра.

Что же касается до внутреынихъ дѣлъ, душа его всегда огорчалась поведенїемъ тѣхъ, кои отъ невѣжества или изъ раболѣпства или для собственныя своея пользы по-

лагаютъ въ число Государственныхъ таинствъ то самое, о чемъ въ просвѣщенномъ народѣ всѣ должны вѣдать, какъ напримѣръ: количество доходовъ, причины налоговъ и проч. Онъ немогъ терпѣть чтобъ самовластїе учреждало въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ особенные наказы въ обиду тѣхъ судебныхъ мѣстъ, кои должны защищать невиннаго и наказывать преступника. Съ великимъ огорченїемъ взиралъ онъ на все то, что могло повредить или возмутить Государственное благоустройство; утружденїе Императрицу прошенїемъ о такомъ дѣлѣ, которое небыло еще подробно разсмотрѣно Сенатомъ, противурѣчїе въ судопроизводствѣ, подлое и раболѣпное послушанїе тѣхъ, кои по званїю своему должны защищать истинну цѣною собственной своей жизни, словомъ, всякое недостойное дѣйствїе корысти и при-

страстія, всякая ложь, клонящаяся къ ослѣпленію очей Государя и общества и всякой подлый поступокъ поражали ужасомъ добродѣтельную его душу.

Предъ вступленіемъ его въ должность наставника Его Императорскаго Высочества, блаженной и вѣчной памяти достойная Государыня *Императрица Елисавета Петровна* повелѣла изготовить начертаніе воспитанія. Дабы представить въ ясномъ образѣ правила добродѣтели, кои онъ себѣ предположилъ и исполнялъ при исправленіи толь важныя должности, надлежало бы помѣстить здѣсь цѣлое сочиненіе, собственноручно имъ писанное, коимъ онъ тогда удовлетворилъ волѣ своей Монархини; но поелику пространство онаго выходитъ изъ предѣловъ простаго сокращенія, то ради сего нѣкоторыя только извлеченія изъ онаго здѣсь предлагаются.

„Приуготовя сердце Великаго „Князя къ эпохѣ, въ которой на„чинаетъ созрѣвать разумъ, при „первомъ онаго дѣйствіи, надле„житъ вперить въ Него и начер„тать на Его сердцѣ сіе правило, „что добрый Государь неимѣетъ „и неможетъ имѣть ни истинныхъ „пользъ, ниже истинной славы от„дѣленныхъ отъ пользъ и славы „его народа . . . .

„Наставникъ съ величайшимъ „раченіемъ и такъ сказать съ рав„нымъ тому, каковое будетъ при„лагать о сохраненіи Его Импера„торскаго Высочества, долженъ „наблюдать, дабы ничего такого „предъ Нимъ неделали и негово„рили, что могло бы хотя малѣй„шимъ образомъ повредить и осла„бить сердца Его разположеніе къ „природнымъ человѣческимъ до„бродѣтелямъ. Напротивъ того „надлежитъ Ему расширять сіи „добродѣтели чрезъ приличныя къ

„тому средства, такъ что бы
„склонность къ добру и честности,
„и отвращеніе ко злу и всему то-
„му, что несовмѣстно съ благо-
„нравіемъ, вкоренялись и непри-
„мѣтнымъ образомъ возрастали во
„младомъ Его сердцѣ....„

„Въ продолжении воспитанія Ве-
„ликаго Князя, потребно отда-
„лить отъ Него роскошь, пыш-
„ность и все то что удобно раз-
„вратить юность; благопристой-
„ность и непорочность довлѣютъ
„быть *едиными* украшеніями Его
„чертоговъ. Время неопоздаетъ
„привлечь къ Нему ласкателей;
„но доколѣ еще несовершится Его
„воспитаніе, тѣ, кои по закону
„и долгу своему обязаны разви-
„вать Его добродѣтели и пред-
„охранять Его отъ пороковъ,
„должны быть весьма осторожны
„въ своемъ съ Нимъ обращеніи.„

Въ самомъ дѣлѣ сей благоразу-
мный наставникъ ненарушилъ ни

единаго изъ сихъ правилъ. Доброта сердца и просвѣщенный умъ Великаго Князя свидѣтельствуютъ его попеченїе о украшенїи основательными познанїями природной способности его Свѣтлѣйшаго Питомца и о начертанїи въ душѣ Его добродѣтели, сего истиннаго основанїя общенароднаго блаженства.

По совершенїи воспитанїя, то есть, при бракосочетанїи Его Императорскаго Высочества, Графъ Панинъ со многими знаками Монаршихъ щедротъ былъ еще удостоенъ письмомъ, которое Ея Императорское Величество изволила писать собственною рукою тако:

Графъ Никита Ивановичь!

Совокупныя важныя ваши труды въ воспитанїи Сына Моего и при томъ въ отправленїи дѣлъ обширнаго иностраннаго департамента, которыя вы несли и отправляете съ равнымъ успѣхомъ толико лѣтъ съ ряду, часто

съ теченіи оныхъ во внутренности сердца Моего возбуждали чувства, раздѣляющія съ вами все бремя сихъ, силу человѣку данну изчерпаемыхъ упражненій, но польза Имперіи Моей, по горячему Моему всегдашнему попеченію о благомъ устроиствѣ всего, Мнѣ отъ власти Всевышняго врученнаго, воспрещали мыслить прежде времени облегчить васъ въ тягостныхъ упражненіяхъ довѣренностію Моею вамъ порученныхъ; нынѣ же, когда приспѣла зрѣлость лѣтъ любезнѣйшаго Сына Моего и Мы, на двадцатомъ Его году отъ рожденія съ вами дожили до благополучнаго дня брака Его; то почитая по справедливости и по всеобщему обыкновенію, воспитаніе Великаго Князя само собою тѣмъ оконченнымъ, за долгъ ставлю при семъ случаѣ изъявить Мое признаніе и благодарность за всѣ приложенныя вами труды и попеченія о здравіи и украшеніи тѣлесныхъ и душевныхъ Его природныхъ дарованій, о коихъ по нѣжности Ма-

терней любви и пристрастію не Мнѣ пригоже судить. Но желаю и надѣюсь, что будущія времена въ томъ оправданіемъ служить имѣютъ, о чемъ Всевышняго ежедневно молю усердно. Окончавъ съ толикимъ успѣхомъ, соединенномъ съ Моимъ удовольствіемъ, важную таковую должность и пользуясь симъ утѣшеніемъ отъ нее вамъ происходящимъ, обратите нынѣ съ бодрымъ духомъ всѣ силы ума вашего къ части дѣлъ Имперіи вамъ отъ Меня вѣренной и на сихъ дняхъ вновь подтвержденной и доставьте трудами своими согражданамъ вашимъ желаемый Мною и всѣми твердый миръ и тишину, дабы дни старости вашей увѣнчаны были благословеніемъ Божіимъ благополучія всеобщаго, послѣ безчисленныхъ трудовъ и попеченій. Пребываю вѣчно въ отмѣнныхъ доброжелательствомъ.

ЕКАТЕРИНА.

Нравъ Графа Панина достоинъ былъ искренняго почтенія и непритворныя любви; твердость его доказывала величіе души его. Въ дѣлахъ касательныхъ до блага Государства, ни обѣщанія, ни угрозы поколебать его были не въ силахъ. Ничто въ свѣтѣ немогло его принудить предложить Монархинѣ свое мнѣніе, противу внутренняго своего чувства. Колико благъ сія твердость даровала отечеству! отъ коликихъ золъ она его предохранила! други обожали его, самые враги его ощущали во глубинѣ сердецъ своихъ къ нему почтеніе и отъ всѣхъ соотечественниковъ его дано было ему наименованіе *честнаго человѣка.* Онъ имѣлъ здравый умъ и глубокое проницаніе. Знаніе же человѣческихъ свойствъ, и искусство приобрѣтать сердца, были столь велики, что онъ при первомъ свиданіи познавалъ уже умы тѣхъ, съ коими говорилъ, а какъ онъ разго-

воры свои располагалЪ такЪ, чтобЪ каждый могЪ имѢть во оныхЪ участїе, то и отпускалЪ всѢхЪ отЪ себя пронзенными нѢжною кЪ нему привязанностїю и довольными собою. ВЪ дѢлахЪ требующихЪ обстоятельнаго разсмотрѢнія, онЪ убѢгалЪ скоропостижности, что и подавало случай обвинять его вЪ медлительности. НравЪ его и дѢйствительно удаленЪ былЪ отЪ всякой живости и отЪ всякаго пылкаго движенія; но должно отдать ему справедливость, что невозможно было имѢть больше трудолюбїя и больше дѢятельности, сколько оказывалЪ онЪ вЪ дѢлахЪ важныхЪ.

Между своихЪ друговЪ онЪ немогЪ терпѢть, чтобЪ кто либо изЪ нихЪ дѢлалЪ для него то, чего бы онЪ вЪ отсутствїи его не сдѢлалЪ. Разговоры его почти всегда растворялись веселостїю, шутки его были прїятны и безЪ желчи, а доброта его сердца была чрез-

вычайна. Онъ былъ утѣшитель нещастныхъ, защитникъ утѣсненныхъ, и справедливый совѣтникъ. Словомъ, въ великомъ множествѣ его согражданъ, даже и такихъ, коихъ онъ невѣдалъ, небыло ни одного, который бы въ крайнихъ своихъ нуждахъ непочувствовалъ нѣкоторой отрады, открывъ Графу Панину свои нещастія и получа отъ него совѣтъ или помощь. Сердце его никогда незнало мщенія; онъ однимъ кроткимъ своимъ возрѣніемъ приводилъ въ замѣшательство самыхъ величайшихъ враговъ своихъ; щедрость и безкорыстіе, сіи двѣ добродѣтели обитали въ немъ въ высочайшей степени. Его движимое имѣніе проданное по кончинѣ его за 173000 руб. недостаточно было на уплату долговъ его. Безпримѣрной его щедрости едва ли можно найти подражателей Изъ девяти тысячь душъ крестьянъ пожалованныхъ ему Им-

ператрицею, онъ подарилъ четыре тысячи тремъ Секретарямъ, кои находились при немъ по иностраннымъ дѣламъ.

Смерть похитя сего добродѣтельнаго гражданина въ 31 день Марта 1783 года поразила неожидаемымъ ударомъ всѣхъ его родственниковъ и друговъ. Хотя на послѣднихъ годахъ его жизни, слабость здоровья соединясь съ его положенiемъ и совсемъ уклонили его отъ дѣлъ, однако за нѣсколько мѣсяцовъ до его кончины здоровье его казалось быть въ лучшемъ состоянiи, на канунѣ же печальнаго произшествiя онъ казался крѣпче и веселѣе обыкновеннаго; но по утру въ четыре часа ударъ паралича лишилъ его памяти и употребленiя языка. Тщетно испытывали въ присутствiи Ихъ Императорскихъ Высочествъ всѣ способы врачебнаго искуства. Онъ чрезъ нѣсколько часовъ скончался при дражайшемъ

своемЪ ПитомцѢ, который одинЪ только прилѣплялЪ его кЪ жизни, и кЪ которому онЪ питалЪ нѣжное и безпредѣльное дружество.

ВЪ минуту, вЪ которую онЪ испустилЪ послѣднее дыханіе, Великій Князь упалЪ предЪ нимЪ на колѣна, и поцѣловалЪ его руку, ороша оную Своими слезами. Надлежало исторгнуть Великую Княгиню изЪ нещастнаго дома, вЪ которомЪ раздавался вопль и стенанія. Повсюду зрѣлся образЪ печали! Сіе самое мѣсто, вЪ коемЪ на канунѣ того дня на всѣхЪ лицахЪ сіяло удовольствіе, учинилось чрезЪ нѣсколько часовЪ позорищемЪ ужаснѣйшаго отчаянія.

ИзвѣстІе о его кончинѣ опечалило чувствительное сердце Ея Императорскаго Величества, Которая дабы почтить память усопшаго, благоволила употребить кЪ утѣшенію его родственниковЪ всевозможныя средства, какія

только могли зависѣть отъ Ея власти.

Всеобщая печаль повсюду возвѣщала потерю премудраго и добродѣтельнаго мужа. Казалось, будто каждый оплакивалъ своего родственника. Погребенiе совершено было Апрѣля въ 3 день. Его Императорское Высочество удостоилъ вынось тѣла Своимъ присутствiемъ.

Прощаясь въ послѣднiй разъ съ наставникомъ Своимъ и другомъ, Великiй Князь еще поцѣловалъ у него руку, съ пролiянiемъ потоковъ слезъ; зрѣлище самое трогательное для тѣхъ, кои при томъ присутствовали, но которое въ тожъ время вливало въ нихъ сладостное утѣшенiе, открывая имъ доброту сердца Наслѣдника Престола. Всѣ знатнѣйшiя особы препровождали тѣло пѣшкомъ до самого Монастыря Святаго Александра Невскаго. За ними слѣдовало многочисленное стеченiе народа.

Въ то время, какъ родственники стали опускать тѣло въ могилу, весь храмъ наполнился воплемъ и стономъ. Граждане, иностранцы, всѣ были погружены въ глубокую печаль. Смерть Графа Панина лишила Россію полезнаго и добродѣтельнаго гражданина.

Сколь тронутъ былъ Его Императорское Высочество кончиною Графа Панина, и коликое Онъ имѣлъ къ нему почтеніе можно увидѣть изъ нижеслѣдующаго письма писаннаго Его Императорскимъ Высочествомъ къ Московскому Архіерею Преосвященному Платону:

Ваше Преосвященство!

Уже извѣстны Ваше Преосвященство о постигшей насъ печали смертію Графа Никиты Ивановича, извѣстны вы и о всемъ томъ, чѣмъ Я ему долженъ, слѣдственно и обязательствахъ Моихъ въ разсужденіи его. Су-

дите же прискорбно ли душѣ Моей? Я привязанъ по долгу и удостовѣренію къ закону и несумнѣваюсь, что получающему награжденіе въ той жизни за добродѣтели безконечно отрада и покой; но поелику души остающіяся, еще со слабостями тѣла соединены, то нельзя намъ нечувствовать печали отъ разлуки; раздѣлите оную со Мною, какъ съ другомъ вашимъ.

ПАВЕЛЪ.